Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам?

И.В. Данилин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук

В последние годы активно обсуждается влияние цифровых технологий на национальные и глобальные процессы. Важнейший вопрос связан с ролью крупных интернет-компаний – платформ (*Facebook, Google, Alibaba* и пр.), которые являются ключевыми игроками на цифровых рынках и в развитии цифровых технологий. В частности, это касается влияния платформ на реализацию лидерства/доминирования и влияния в современных международных и глобальных процессах. В рамках изучения данной проблематики в статье рассматриваются две группы вопросов. Во-первых, это экономические аспекты влияния платформ на лидерство. Отмечается дуополия США и КНР на платформенных рынках и среди сверхкрупных платформ, что создаёт для обеих стран асимметричные преимущества в сфере развития и, соответственно, влияния на мировые процессы (вплоть до теорий «цифрового колониализма»). Причём сомнительно, что потенциальные конкуренты из третьих стран смогут разрушить сложившуюся архитектуру платформенных рынков. Во-вторых, рассматриваются информационные функции платформ в контексте воспроизводства мирового лидерства и влияния. Здесь отмечается эволюция практик и подходов: от видения платформ как двигателей демократии (и влияния Запада) до алармистских оценок их роли как «чёрного входа» для влияния сторонних держав – при растущей роли в практическом измерении влияния (цифровая дипломатия и пр.). Отмечается, что дуополия США и КНР при формальном равенстве доступа к ресурсам платформ оказывается решающей для воспроизводства лидерства. Однако вопрос о принципиальной возможности поиска альтернативных путей усиления влияния в новых условиях цифровой экономики, экономики платформ, всё же может быть решён положительно. Связано это с регулированием доступа к данным как основному ресурсу их развития. Модельным может служить опыт ЕС с его формированием режимов, норм и ценностей. Эксплуатируя преимущества большого рынка данных, ЕС получает возможность нейтрализовать часть преимуществ более сильных игроков и ориентировать глобальные платформы на решения, более соответствующие интересам Союза. Впрочем, анализ опыта ЕС показывает, что регуляторные практики должны быть дополнены развитием цифровых технологий и «своих», региональных или национальных, платформ. А серьёзными дополнительными вызовами оказываются конкуренция юрисдикций и достижение масштаба рынка.

УДК: 327.2

Поступила в редакцию: 10.11.2019 г.

Принята к публикации: 12.12.2019 г.

Ключевые слова: интернет-платформы, цифровые технологии, глобальные процессы, влияние и доминирование.

В последние несколько лет всё активнее обсуждаются вопросы влияния на национальные и глобальные процессы цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), «Большие данные» и т.д., которые обещают серьёзные изменения в экономике, политике и обществе. Эти дискуссии затрагивают широчайший спектр тем: от цифровизации бюрократии (Levy 2018) и ключевых субъектов и институтов политического процесса¹ до попыток крупных интернет-компаний предложить технологическую альтернативу существующим торгово-инвестиционным режимам², и от влияния цифровых технологий на дипломатию (Киссинджер 2015: 445-468) до системного повышения эффективности экономики и проблем занятости будущего³. При этом технооптимизм, в т.ч. техносолюционизм (убеждённость в том, что новые технологии сами станут решением многих существующих вызовов (Mogozov 2013)) тесно соседствует с технопессимизмом на грани – или за гранью – алармизма.

Одним из аспектов, которые редко артикулируются исследователями, является роль в данных процессах интернет-компаний, созданных на платформенных принципах, особенно крупнейших подобных предприятий и сервисов, т.н. суперплатформ: *Facebook*, *Amazon*, *Microsoft*, *Google* и *Apple* (т.н. *FAMGA*) и *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent* (т.н. *BAT*). Хотя большая их часть появились всего около двух десятилетий назад и реализует вполне предметные виды коммерческой и некоммерческой деятельности, они уже оказывают существенное воздействие на рынки торговли и инвестиций, электоральные процессы и медийное пространство и на иные сферы. При этом важно заметить, что именно платформы являются ключевыми игроками в сфере современных цифровых технологий за счёт доступа к гигантским финансовым ресурсам и охвату аудитории, инвестициям в перспективные направления и работе с инновационным сообществом (Montes, Goertzel 2019: 354)⁴.

¹ Davis J. 2017. Is There an AI President in Our Future? That Might Be an Upgrade. *Wired*, 18.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/2017/05/hear-lets-elect-ai-president/> (accessed 22.12.2019).

² Jack Ma Interview on Hangzhou, the G20 and Globalization. *ALIZILA (News from Alibaba Group)*, 29.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alizila.com/jack-ma-interview-hangzhou-g20-globalization/> (accessed 22.12.2019).

³ См.: *New Forms of Work in the Digital Economy*. Working Party on Measurement and Analysis of the Digital Economy. DSTI/ICCP/IIIS(2015)13/FINAL. OECD, 2016. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIIS\(2015\)13/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIIS(2015)13/FINAL&docLanguage=En) (accessed 22.12.2019); Manufacturing struggles to adapt. Special report. 2017. *The Economist*, 26.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/special-report/2017/10/26/manufacturing-struggles-to-adapt> (accessed 22.12.2019).

⁴ См., например: Shen H. 2019. *China's Tech Giants: Baidu, Alibaba, Tencent*. Digital Asia. Konrad Adenauer Stiftung, 27.05.2019 [Электронный ресурс]. 6 p. URL: <https://www.kas.de/documents/288143/4843367/Chinas+Tech+Giants.pdf/35068fb8-4540-6ee2-73ce-2eb51a1e778b?version=1.0&t=1556780607252> (accessed 22.12.2019); The Race For AI: Here Are The Tech Giants Rushing To Snap Up Artificial Intelligence Startups. *CB Insights*, 17.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbinsights.com/research/top-acquirers-ai-startups-ma-timeline/> (accessed 22.12.2019).

Ожидаемые глобальные изменения формируют целую группу интересных исследовательских проблем. Одной из них является влияние интернет-платформ на феномен глобального лидерства, доминирования, влияния, включая их факторы и параметры. Усиливающееся коммерческое и технологическое лидерство платформ и, в целом, развитие глобальной цифровой экономики делает необходимым более системное исследование трансформаций вышеуказанных феноменов за пределами как технооптимизма, так и алармизма.

Платформы как фактор экономического лидерства

Исключая пока ещё достаточно маргинальную роль платформ в сфере обороны и безопасности⁵, наиболее выраженные изменения, имеющие отношение к феноменам глобального лидерства/доминирования и влияния, связаны, прежде всего, с экономическими – в т.ч. инновационно-технологическими – эффектами развития платформ и цифровых технологий.

Крупные интернет-компании и, особенно, суперплатформы имеют огромное значение для экономического развития как на национальном, так и на глобальном уровне⁶, в том числе потому, что доминируют на рынках цифровой экономики – наиболее быстрорастущем сегменте ВВП развитых и крупных и быстрорастущих развивающихся стран⁷.

Причины этого кроются в уникальном характере их деятельности.

Эксплуатируя комбинированную модель прямых онлайн-сервисов, а также посредничества на двух- и многосторонних рынках (Rysman 2009; Zeng et al. 2019; Digital Dominance 2018), платформы получают возможность достичь гигантского охвата пользовательской аудитории (причём как индивидуальных, так и бизнес-потребителей), генерируют и используют в своих интересах мощные сетевые эффекты и поток коммерчески ценных «Больших данных». Эти процессы подпитываются и, одновременно, сами провоцируют рост интереса глобальных инвесторов, гарантируя стабильный приток инвестиций в масштабах, недостижимых для конкурентов. В последнем отношении показательно, что в последние годы, несмотря на периодические существенные колебания курсов

⁵ См., например: Conger K., Sanger D.E., Shane S. 2019. Microsoft Wins Pentagon's \$10 Billion JEDI Contract, Thwarting Amazon. *The New York Times*, 25.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/25/technology/dod-jedi-contract.html> (accessed 22.12.2019)

⁶ Evans P.C., Gawer A. 2016. *The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey*. The Center for Global Enterprise. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf (accessed 22.12.2019); *An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation*. 2017. [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/53e5f593-en (accessed 22.12.2019); Fijneman R. Kuperus K., Pasman J. 2018. *Unlocking the value of the platform economy*. Dutch Transformation Forum. KPMG N.V. [Электронный ресурс]. URL: <https://dutchitchannel.nl/612528/dutch-transformation-platform-economy-paper-kpmg.pdf> (accessed 22.12.2019); *Digital Economy Report 2019*. 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations. 172 p.

⁷ См., например, оценки опережающего роста цифровой экономики США: Barefoot K., Curtis D., Jolliff W., Nicholson J.R., Omohundro R. 2018. Defining and Measuring the Digital Economy, *Working Paper, The Bureau of Economic Analysis*, U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf> (accessed 22.12.2019).

акций, крупнейшие платформы стабильно занимают верхние строчки рейтингов капитализации. Показателен диапазон значений их капитализации в 2018-2019 гг.: *Microsoft* и *Apple* – по 0,8-1,2 трлн долл.; *Amazon* и *Alphabet* (собственник *Google*) – около 750-850 млн долл. каждая; *Facebook*, *Alibaba* и *Tencent* – около 500 млн долл. каждая⁸.

Сочетание мощной финансовой подпитки, охвата рынков и доступа к данным обеспечивают крупным платформам возможность трансформировать рынки присутствия (розничная торговля, медиа и пр.), а также их привилегированное положение на новых рынках – в том числе только формирующихся (от систем и сервисов автономного вождения до облачных вычислений). В последнем отношении сравнительно новым и важным феноменом стал быстрый рост инновационного потенциала платформ, которые превратились в ведущих спонсоров НИОКР в глобальном масштабе, осуществляют широкий спектр инвестиций в технологические стартапы и иную инновационную и инвестиционную активность – в том числе по направлениям, обещающим формирование новых рынков и отраслей⁹.

Как следствие, крупные платформы вносят существенную лепту в лидерство своих стран происхождения – в том числе через поддержку их инновационно-технологического развития и влияния на глобальные рынки. Это влияние тем более значимо, учитывая концентрации платформ всего в двух странах – США и КНР. Согласно исследованиям 2016-2018 гг., на долю США и Китая приходилось свыше 70-80% от всех крупных платформ (стоимостью от 100 млн и свыше 1 млрд долл.) и около 90-95% от их совокупной капитализации/оценки стоимости¹⁰. При этом абсолютно все суперплатформы являются или американскими (*FAANG+Netflix*) или китайскими (*BAT+JD.Com*). США и КНР являются также лидерами развития будущих цифровых, в т.ч. платформенных рынков и сопутствующих технологических разработок. Здесь важным индикатором является абсолютное лидерство по числу и оценкам стоимости стартапов-единорогов¹¹: около 50% из них – американские, около четверти – китайские¹².

Неудивительно, что именно США и, в меньшей мере, Китай, структурируют рынки цифровой экономики, предотвращая шанс третьих стран и регионов перехватить лидерство в данной сфере – в том числе, скупая иностранных конкурентов и перспективные стартапы.

Ещё более предметно и жёстко проблематика глобального лидерства, доминирования и влияния применительно к платформам и цифровым технологиям,

⁸ Использовались данные ресурса yahoo.finance.com.

⁹ The 2018 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. 2018. *European Commission – Joint Research Centre*. [Электронный документ]. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. <http://doi.org/10.2760/131813>. (accessed 22.12.2019)

¹⁰ Evans P.C., Gawer A. Op.Cit.; *An Introduction to Online Platforms...*; Fijneman R. et al. Op. Cit.; *Digital Economy Report 2019*.

¹¹ «Единорог» – стартап, рыночная стоимость которого превышает 1 млрд долл. США.

¹² Рассчитано по данным *CB Insight*.

ставится в нео- и постмарксистских исследованиях цифрового (*data colonialism*) или, иначе, информационного колониализма (Jin 2015; Thatcher et al. 2016; Jin 2017; Cohen 2018; Couldry, Mejias 2018; Kwet 2019).

Постулируя доминирование, прежде всего, американских интернет-платформ – цифровых монополий, – исследователи отмечают их роль в сохранении и воспроизводстве лидерства западных стран («глобального Севера») и, прежде всего, США, на мировой арене. В данной схеме развивающиеся страны оказываются поставщиками «сырья» (данные) и потребителями продукции высоких переделов (интернет- и иные цифровые услуги), чем, фактически, спонсируют укрепление гегемонии США/США и Китая, не имея при этом возможности прорваться на более высокие уровни развития.

Важно отметить, что данная позиция представляет собой не только «внутренний» идеологическим конструкт нео- и постмарксистов, но разделяется (хотя и во много более мягких формулировках) целым рядом международных экономистов и структурами ООН¹³.

Роль платформ как инструментов, поддерживающих и воспроизводящих лидерство и влияние США, обеспечивается также через активизацию экспорта культуры (и, добавим, «мягкой силы») США через медийные и социальные платформы – даже несмотря на рост доступности масс-культуры и традиционных культурных продуктов третьих стран (Jin 2017).

Интересно, что «неоколониальная» фразеология находит неожиданные, хотя и явно непреднамеренные аналогии в лексиконе самих интернет-платформ, активно использующих понятие исходных – или, в буквальном переводе, «сырых» – данных («*raw data*») для описания сведений, собираемых с пользователей. Строго говоря, смысл подобной формулировки, помимо сугубо технического аспекта, состоит в стремлении обезопасить инновационное развитие и генерацию прибыли цифровых компании от возможных претензий пользователей на монетизацию своих данных и более сложное юридическое оформление их использования¹⁴. Однако в глобальном контексте противопоставление цифрового «сырья», отчуждаемого от пользователя в обмен на доступ к услугам, в противовес «прибавочному продукту» от итоговых услуг с высокой добавленной стоимостью, действительно напоминает классическую колониальную схему. Тем более, что центрами создания прибыли (читай – разработки и экспорта технологий и услуг) выступают как раз США и иные развитые страны.

¹³ См., например: *Digital Economy Report 2019*. 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations. 172 p.

¹⁴ Проблема не нова, несмотря на принципиально иной – цифровой – контекст. Достаточно упомянуть дело 1984 г. «Джон Мур против регентов Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и докторов UCLA» по вопросам о правах пациента (Мур) на данные о его болезни, которые были использованы университетом для разработки лекарства против лейкемии (Dorney 1990; Cohen 2017: 15).

Информационная функция платформ

Отдельно следует сказать об информационных аспектах влияния платформ на международное лидерство и доминирование. Специфика вопроса в том, что, с одной стороны, присутствующие оценки в значительной мере являются проекцией внутривнутриполитической проблематики и дискуссий о ней, а с другой, здесь платформы играют скорее инструментальную роль. Иначе говоря, если в технико-экономической проблематике они оказывают активное воздействие и даже обладают элементом субъектности (обеспечивают развитие и усиление экономического и технологического потенциала и во многом определяют его вектор, обеспечивают систему отношений, закрепляющую лидерство стран происхождения и пр.), то в данном контексте они оказываются почти во всех случаях операционным инструментом государственных и, отчасти, негосударственных структур – даже в случае собственной реакции на внешние события, имеющей обычно вынужденный характер (например, ответ на требования спецслужб, регуляторов, общественного мнения).

Опять же, наиболее простой вопрос связан с более-менее традиционной проблемой безопасности: шпионажем и разведывательной деятельностью в тех новых формах, которые стали возможными благодаря интернет-технологиям. Речь идёт о, подчеркнём, *потенциальном* доступе США и Китая через «свои» цифровые монополии к информации, имеющей различную степень «чувствительности» – например, к сведениям о социально-экономической деятельности (с элементами технологического шпионажа) или к данным о критических инфраструктурах (Dwivedi et al. 2019)¹⁵.

Интересно заметить, что прямым практическим следствием этих дискуссий – делающих сам феномен подобного шпионажа реальным в понимании «теоремы Томаса» – являются фантомные опасения потребителей разных стран о шпионаже со стороны китайских интернет-приложений, что, помимо прочего, ограничивает потенциал их международной экспансии¹⁶.

¹⁵ Allen G., Chan T. 2017. Artificial Intelligence and National Security. [Электронный ресурс]. *Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School*. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf> (accessed 22.12.2019); Scott B., Heumann S., Lorenz P. 2018. Artificial Intelligence and Foreign Policy. *Stiftung Neue Verantwortung e.V.* [Электронный ресурс]. P.14-15. URL: https://www.stiftung-nv.de/sites/default/files/ai_foreign_policy.pdf (accessed 22.12.2019); Allen G. C. 2019. Understanding China's AI Strategy: Clues to Chinese Strategic Thinking on Artificial Intelligence and National Security. *Center for a New American Security (CNAS)*. [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Understanding-Chinas-AI-Strategy-Gregory-C.-Allen-FINAL-2.15.19.pdf?mtime=20190215104041> (accessed 22.12.2019).

¹⁶ Silk A. 2015. *Going Out or Staying In? Conceptualising the Internationalisation of China's Internet Giants. A Case Study of Baidu, Alibaba and Tencent*. Lau China Institute Working Paper Series, King's College London. Ed. by Prof K. Brown. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/lci/documents/working-papers/ali-silk.pdf> (accessed 22.12.2019); Zhang L., Chen S. 2019. *China's Digital Economy: Opportunities and Risks*. IMF Working Paper. WP/19/16. International Monetary Fund. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2019/wp1916.ashx> (accessed 22.12.2019); Grotto A., Schallbruch M. The Great Anti-China Tech Alliance. *Foreign Policy*, 16.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/09/16/the-west-will-regret-letting-china-win-the-tech-race/> (accessed 22.12.2019).

Уже классический характер имеет и «цифровая дипломатия», которая является всё более масштабным и значимым феноменом, чья роль в формировании лидерства и влияния неоспорима – особенно для поколения, выросшего после начала интернет-революции. Данная тема хорошо раскрыта в литературе: от использования *Twitter* и иных приложений как средства более эффективной коммуникации внешнеполитических позиций (а, значит, и реализации внешнеполитических целей и задач) и нового измерения публичной дипломатии и вплоть до рисков, связанных с влиянием краткосрочных флуктуаций общественного мнения на выработку и реализацию внешней политики и дипломатических мер, имеющих по необходимости средне- или долгосрочный характер (Ross 2011; Digital Diplomacy 2015; Киссинджер 2015: 445-468; Dodd, Collins 2017)¹⁷.

Более сложна и неоднозначна дискуссия о возможной манипуляции внутриполитическими процессами третьих стран посредством платформ – включая взаимосвязанную проблему уязвимости самих платформ перед сторонним вмешательством. С формальной точки зрения, будучи деятельностью на грани дипломатии и кибер-саботажа и т.п. феноменов, она явно имеет прямое отношение к проблематике как минимум влияния на глобальные процессы. Однако высокая мифологизированность и не вполне очевидная эффективность процесса не позволяет оценить его реальные параметры.

В данной сфере мы наблюдаем двуединый тренд роста активности использования платформ различными сторонами при выраженной дивергенции оценок и подходов – кстати сказать, во многом отражающей общий ход дискуссии о политических импликациях интернет-технологий, идущей с 1990-х гг.

Условным временем актуализации платформ в качестве инструментов «коррекции» политических институтов и процессов третьих стран можно считать «арабскую весну» и связанные с ней процессы в Иране, Молдове и иных государствах в конце 2000-х гг. Здесь важно сразу оговориться, что мы не считаем все демократические протесты в развивающихся странах событиями, инспирированными извне, но и не думаем, что факт наличия серьёзнейших внутренних причин, приведших к началу общественных движений, опровергает возможность некоторого внешнего вмешательства.

Несмотря на отдельные весьма трезвые утверждения о нейтральности технологий относительно политических целей (Morozov 2012), первичные оценки процесса носили, с одной стороны, технооптимистический характер, а с другой, были подчёркнуто отстранены от проблематики доминирования/влияния, хотя в них и прослеживались соображения как минимум о моральном и политико-культурном лидерстве западных демократий. Причиной были идеи о «демократизирующей» роли социальных сетей и иных, прежде всего, медийных плат-

¹⁷ Westcott N. 2008. Digital Diplomacy: The Impact of the Internet on International Relations. Research Report. *Oxford Internet Institute*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/archive/downloads/publications/RR16.pdf> (accessed 22.12.2019).

форм за счёт их потенциала по установлению горизонтальных связей между субъектами политического действия и группами интересов – от политической мобилизации и информирования вплоть до генерации формальных и неформальных сетей действия (т.е., фактически, роль техносубститута институтов гражданского общества) (Savaget et al. 2018; Raikov 2018)¹⁸.

Повторимся, что проблематика лидерства, доминирования и влияния в самих этих процессах и их оценках была слабо артикулирована. Но, даже не впадая в конспирологию, нельзя не заметить, что обсуждения весьма напоминали либерально-демократическую риторику начала 1990-х гг. с соответствующими международно-политическими импликациями, а сами процессы связаны с реализацией внешнеполитической линии США и ряда иных западных стран, от достаточно мягких форм опосредованной платформами коммуникации с участниками движений и вплоть до мероприятий с участием внешнеполитических структур западных стран по развитию необходимых технокомпетенций у молодёжи Ближнего Востока (Hallams 2010; Ross 2011)¹⁹. В этом контексте не удивительна осторожно-подозрительная, хотя и явно преувеличенная оценка элитами ряда развивающихся стран и России возможностей использования американских социальных и медийных «платформ» спецслужбами США и иных западных стран.

Не пытаясь вдаваться в оценочные суждения относительно причин и результатов использования интернет-платформ в демократических целях и для реализации международного влияния, мы позволим себе лишь отметить некоторую ироничность ситуации, вероятно, первично совершенно не осознававшуюся либеральными апологетами идей о цифровой демократизации. Хотя формально в качестве инструментов демократизации в этой картине мира оказывались технические возможности платформ, в реальности таковыми являлись в основном интернет-корпорации – в том числе настоящие цифровые монополии – владеющие соответствующими приложениями. Проблема в данном случае заключается в том, что многие из этих компаний имели, мягко сказать, спорные позиции в части социальных и демократических ценностей²⁰.

¹⁸ См. как пример известный комментарий А. Салливена: Sullivan A. The revolution will be twittered. *The Atlantic*, 13.06.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/daily-dish/archive/2009/06/the-revolution-will-be-twittered/200478/> (accessed 22.12.2019).

¹⁹ Опять же, не увлекаясь конспирологическими теориями и тем более не пытаясь заявить о якобы сугубо «экзогенном» характере арабских протестов, в определённом смысле подтверждением международно-политического (в т.ч. в контексте обеспечения глобального лидерства) «следа» использования платформ могут служить, например, специальные семинары 2008 г., организованные для арабских молодых лидеров при участии Госдепа США, Facebook, Google, MTV и Школы права Колумбийского университета по использованию социальных сетей и мобильных технологий для развития демократии. См.: Nixon R. U.S. Groups Helped Nurture Arab Uprisings. *The New York Times*, 14.04.2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/04/15/world/15aid.html> (accessed 22.12.2019).

²⁰ Опуская вопрос об использовании детского труда и социальных вызовов, с которыми сталкиваются работники предприятий, входящих в цепочки поставщиков Apple в Азии (скандалы с Foxconn и иными компаниями), социальную защиту работников Uber, Facebook и пр., достаточно указать о политическом «комплайенсе» при работе в Китае таких корпораций, как Microsoft, Yahoo и даже Google. См.: Yahoo 'Strictest' Censor in China. *Wired*, 06.15.2006. URL: <https://www.wired.com/2006/06/yahoo-strictest-censor-in-china/> (accessed 22.12.2019); Google 'working on censored search engine' for China. *The Guardian*, 02.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/02/google->

Между тем уже с 2010-х гг. как раз проявилась уже упомянутая дивергенция процессов. С одной стороны, платформы стали действительно активнее использоваться для проекции влияния на международной арене, в том числе как средства информирования и коммуникации (включая цифровую дипломатию до альтер-дипломатии некоммерческих структур и групп) и пр. Причём проблематика информационных аспектов влияния была усилена использованием социальных сетей террористическими организациями (Hossain 2015; Awan 2017).

С другой стороны, технооптимизм на грани демократизаторского техносолюционизма в оценках роли социальных сетей и иных платформ в международных отношениях сменился едва ли не на алармизм. Среди формальных причин этого были как те же эксперты террористических структур с соцсетями, а равно и подозрения в якобы имевших место попытках России повлиять на внутреннюю политику США и т.п. события. Эмоционально эта дискуссия была усилена более широким дискурсом о влиянии цифровых технологий на демократию (Jiang and Fu 2018; Casares 2018; Sætra 2019)²¹.

Между тем, если вдумчиво проанализировать смысл этих алармистских событий и последовавших акций, становится ясно, что их итогом стала как раз чёткая артикуляция проблематики лидерства, доминирования и влияния, в т.ч. подтверждение, что никакого равного доступа к информационным ресурсам платформ нет – за пределами некоторых «зелёных зон» они оказываются вполне управляемым инструментом страны происхождения. Хотя это в большей мере относится к США, внутренние эксперименты в КНР – при всей их мифологизации – показывают, что утверждение верно и для Китая (Jiang, Fu 2018)²².

Лидерство суперплатформ: есть ли альтернативы?

Несложно заметить, что ключевые проблемы и аспекты растущей роли платформ как фактора, обеспечивающего глобальное лидерство, доминирование и влияние, достаточно предсказуемы. Можно обсуждать масштаб изменений и роль самих платформ в этом процессе, однако их роль как медиаторов этих процессов – оказывающих всё более активно влияние на информацию и

working-on-censored-search-engine-for-china (accessed 22.12.2019).; Meisenzahl M. These 6 tech companies have made the controversial decision to try to operate in China, where the government can demand social media posts be removed or search results be censored. *Business Insider*. 10.10.2019. URL: <https://www.businessinsider.com/tech-companies-censoring-content-for-china-apple-microsoft-2019-10> (accessed 22.12.2019).

²¹ См. также: Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G., Hafen E., Hagner M., Hofstetter Y., van den Hoven J., Zicari R.V., Zwitter A. 2017. Will Democracy Survive Big Data and Artificial Intelligence? *Scientific American*, 25.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence/>; Polonski V. 2017. How Artificial Intelligence Silently Took over Democracy. *World Economic Forum*, 09.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/08/artificial-intelligence-can-save-democracy-unless-it-destroys-it-first/>. (accessed 22.12.2019); Ünver A. H. 2018. Artificial Intelligence, Authoritarianism and the Future of Political Systems. Technical report. Cyber Governance and Digital Democracy 2018/9. *Center for Economics and Foreign Policy Studies*. [Электронный ресурс]. 20 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.19598.00329.

²² см.: Matsakis L. How the West Got China's Social Credit System Wrong. *Wired*, 29.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/story/china-social-credit-score-system/> (accessed 22.12.2019).

инные процессы, осуществляющиеся при их посредничестве (van Dijck 2013: 12, 29).

Между тем один аспект этой проблемы требует более детального прояснения и анализа.

Очевидно, что наличие суперплатформ или просто крупных платформ является важным фактором глобального лидерства и усиления влияния/доминирования в современных условиях. Однако, как уже было показано выше, по-настоящему глобальные платформы сосредоточены в США – с растущим потенциалом КНР, чьи платформенные компании в настоящее время ведут интенсивную экспансию прежде всего в Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Европейского союза (менее успешно) и иных регионов. Хотя в иных государствах также существуют достаточно сильные платформенные образования – характерным примером являются российский «Яндекс» и *Mail.Ru Group*, включая принадлежащие им социальные сети – они несут в лучшем случае региональный характер и шансов пробиться на глобальный уровень у них уже нет.

Ситуация с КНР, с 2000-х гг. поэтапно ограничивающей доступ американских платформ на свой рынок и поддерживающей рост своих компаний, в данном случае не может считаться релевантным кейсом. Во-первых, гигантский внутренний рынок Китая и развитая промышленная политика изначально создавала лучшие возможности роста в том числе национальных чемпионов. А во-вторых, общая динамика развития китайской экономики и технологического, особенно цифрового сектора, создавала благоприятную возможность формирования сильных и конкурентоспособных самостоятельных компаний – аналогов и альтернатив западным сервисам (Данилин 2018). Повторить эти уникальные условия в другой стране и даже на уровне таких крупных объединений, как ЕС, не представляется возможным.

Но означает ли это, что цифровой ресурс лидерства и влияния в более широком международном контексте является недоступным для всех игроков, кроме США и КНР или что страны/регионы, не имеющие сильных компаний – интернет-платформ или имеющие лишь их национальные/региональные аналоги, обречены на роль объектов влияния?

Корректный ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет асимметричный характер и лежит в анализе истоков влияния самих платформ и специфики цифровой экономики.

С формальной точки зрения, все ключевые аспекты мощи платформ связаны с охватом аудитории, что обеспечивает, в частности, ключевые сетевые эффекты. В этом смысле альтернативы глобальному уровню, конечно же, быть не может.

Между тем подобный подход упускает иную важную составляющую развития платформ и цифровой экономики. А именно, генерацию и доступ к большим массивам данных как к стратегическому ресурсу развития. По большому счёту именно большие данные – эта новая нефть мирового развития, по остро-

умному замечанию экспертов Мирового экономического форума, – оказываются ценнейшим ресурсом развития и цифровых рынков, и самих платформ (Sadowski 2019)²³.

Таким образом, контроль за данными или особый режим доступа к ним, теоретически, может если не компенсировать «провалы», связанные с отсутствием крупных глобальных платформенных компаний, то, по крайней мере, создать некоторые альтернативные преимущества и каналы влияния.

Релевантность этого тезиса по большому счёту, уже подтверждается реальной политической практикой. Опять же опустим пример Китая, хотя Пекин реализует вполне эффективные меры и в данной сфере. Наиболее референтным кейсом в данном случае для нас является политика Европейского союза.

Не имея возможности создать аналоги *FAMGA* и *BAT*, ЕС вполне рационально предположил, что доступ к данным на территории Союза – одного из трёх крупнейших экономических центров мира с населением больше, чем в США, само по себе является важным ресурсом. Дискуссии Европейского союза в сфере т.н. цифрового суверенитета и по смежным вопросам²⁴ привели ЕС к выводу о необходимости формирования специализированных внутриевропейских режимов для капитализации этого ресурса. При этом в конкурентной и ценностной логике сильный акцент был сделан на нивелирование «нечестных» или несоответствующих духу регулирования Союза конкурентных преимуществ прежде всего американских компаний, формирование условий для мягких форм офсетных сделок (доступ на рынки ЕС в обмен на гарантированный недискриминационный доступ европейских корпораций на рынки третьих стран) и решения иных задач.

Не считая концепции единого цифрового рынка и предварительных соглашений с США по конфиденциальности, одним из ключевых шагов в этом направлении стало введение в 2018 г. в действие Общего регламента защиты персональных данных (*General Data Protection Regulation* – *GDPR* – Постановление ЕС 2016/679), сформировавшего по сути особый регуляторный режим ЕС с элементами экстерриториальности. Помимо растущего давления на американские цифровые платформы²⁵, важнейшим последствием документа стало то, что он начинает постепенно превращаться в модельный, так как Китай, Россия и ряд иных стран активно используют опыт ЕС в разработке своего регулирова-

²³ Personal Data: The Emergence of a New Asset Class. *World Economic Forum*, 2011. [Электронный документ]. 40 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_ITTC_PersonalDataNewAsset_Report_2011.pdf (accessed 22.12.2019)

²⁴ См., например: Hackenbroich J. Reality bytes: Europe's bid for digital sovereignty. 2018. *The European Council on Foreign Relations*, 17.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_reality_bytes_europes_bid_for_digital_sovereignty# (accessed 22.12.2019); Gomart T., Nocetti J., Tonon C. 2018. Europe: Subject or Object in the Geopolitics of Data? *Études de l'Ifri*. 45 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2019/08/Europe_geopolitics_data_2018_IFRI-1.pdf. (accessed 22.12.2019).

²⁵ См., например: Big tech faces competition and privacy concerns in Brussels. 2019. *The Economist*, 23.03.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/briefing/2019/03/23/big-tech-faces-competition-and-privacy-concerns-in-brussels> (accessed 22.12.2019).

ния цифрового сектора. И это уже сулит предметные преимущества держателю ключевых практик в данной сфере – а именно, ЕС (Kaplan, Haenlein 2019: 5).

Аналогичные соображения можно высказать и в отношении искусственного интеллекта – например, в части глобального лидерства ЕС в выработке этических «кодов» разработки и использования ИИ²⁶ – и по целому ряду иных вопросов, связанных с цифровыми технологиями и рынками.

Но и за пределами ЕС регионализация регуляторного пространства как фактор формирования лидерских позиций оказывается всё более востребованным: от международных и глобальных торговых и инвестиционных соглашений, структурирующих «линии силы» в цифровом пространстве (ср. китайский проект «Пояс и путь»), и до стратегий и политики стандартизации в том числе как фактора защиты рынка или «вскрытия» международных рынков (Kelsey 2017; Cath et al. 2018; Kaplan and Haenlein 2019: 9)²⁷. Впрочем, осознание силы данного инструмента несёт в себе и новые вызовы его использования, так как конкуренция платформ за влияние теперь дополняется ещё и конкуренцией юрисдикций при регионализации «цифровых» режимов (США, ЕС, Китай) со сложным балансированием интересов для «пограничных» стран.

Развитие цифровых платформ как ключевых акторов цифровой экономики, включая её технологическое измерение, вносит свою лепту в международные процессы, корректируя параметры лидерства, создавая новые отношения доминирования и влияния или меняя существующие.

Очевидны экономические эффекты развития интернет-платформ, связанные с укреплением потенциала страны происхождения. Ситуация выраженной рыночно-технологической дуополии США – КНР объективно служит дальнейшей поляризации влияния на мировой арене. Конечно, ситуацию нельзя считать уникальной с учётом хотя бы опыта холодной войны. Однако важной спецификой является тот факт, что агентами противостояния выступают сверхкрупные коммерческие субъекты, имеющие собственные рыночные цели и непропорциональную рыночную силу. Что, в свою очередь, ставит целый ряд новых вопросов о перспективах противостояния и его международных импликаций. Другим выраженным отличием представляются более чем скромные шансы иных конкурентов оспорить сформировавшийся американо-китайский дуэт: с учётом специфики платформенных рынков (охвата аудитории, доступа к

²⁶ См. например: *Ethics Guidelines For Trustworthy AI*. 2019. Report. Independent High-Level Expert Group On Artificial Intelligence Set Up By The European Commission. Brussels: European Commission. 39 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai>. (accessed 22.12.2019).

²⁷ Arcesati R. Chinese tech standards put the screws on European companies. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*, 29.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merics.org/en/blog/chinese-tech-standards-put-screws-european-companies> (accessed 22.12.2019); Beattie A. Technology: how the US, EU and China compete to set industry standards. *The Financial Times*, 24.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/0c91b884-92bb-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (accessed 22.12.2019); Grotto A., Schallbruch M. The Great Anti-China Tech Alliance. *Foreign Policy*, 16.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/09/16/the-west-will-regret-letting-china-win-the-tech-race/> (accessed 22.12.2019).

инвестиционным ресурсам, цифровым технологиям и т.д.) «догнать» *FAMGA* и *BAT* почти невозможно.

Схожая ситуация наблюдается и в части информационных функций платформ, где медиа- и социальные платформы создают принципиально новые возможности трансляции влияния. И хотя формально они обеспечивают равноправие всех субъектов в доступе к своим возможностям, на практике платформы оказываются в большей мере связаны с уже существующими центрами силы. Отдельным существенным вопросом на перспективу оказывается собственная роль платформ в реализации информационных функций, ассоциируемых с международными процессами воспроизводства лидерства и влияния, так как сами они, по меткому выражению Х. ван Дейка, являются не так посредниками, как медиаторами (van Dijk 2013: 29) информационного процесса.

Всё это ставит перед третьими странами существенные вопросы о поиске новых, нестандартных путей к лидерству и усилению влияния.

Несмотря на то, что факторы лидерства, доминирования и влияния, атрибутируемые (супер)платформам, за пределами США и КНР реплицировать почти невозможно, а использование платформ третьими сторонами в своих интересах не всегда возможно и не всегда допускается, постепенный переход рынка платформ к стадии зрелости создаёт возможности поиска альтернативной стратегии лидерства в новых условиях.

Одним из наиболее важных примеров на данный момент является двуединая стратегия ЕС по эксплуатации преимущества большого масштаба генерируемых данных (ключевой ресурс цифровой экономики и самих платформ) для обретения рыночной силы в диалоге с платформами США и КНР, и благодаря этому превращение в центр генерации норм, ценностей и стандартов – что уже сулит прямые выгоды.

На уже сформировавшемся ландшафте глобальных (супер)платформ подобный подход действительно позволяет в известной степени нейтрализовать часть преимуществ более сильных игроков или даже создать асимметричные преимущества. В частности, это касается ориентирования глобальных платформ на *modus operandi*, более соответствующий интересам данной страны и региона, от локализации активов или инновационной деятельности до, по сути, использования ресурсов платформы в деле глобализации регуляторных подходов. Это тем более верно, что в условиях развития современного общества помимо чисто рыночных и технологических факторов растёт востребованность регуляторных и ценностных факторов инновационного развития²⁸.

Однако важно понимать, что данные усилия не являются субститутотом развития цифровых технологий или роста «своих» – региональных или националь-

²⁸ См., например, весьма иллюстративный доклад представителя *Microsoft* В. Шершульского на конференции *EMERTECH – 2019* (ссылка доступна на официальном сайте мероприятия: <https://www.imemo.ru/activities/emertech/emertech2019> (accessed 22.12.2019)).

ных, в т.ч. специализированных платформ (что остаётся, например, актуальной задачей для ЕС). Иными словами, достижение нового качества лидерства и влияния в условиях цифровой экономики и экономики платформ, с учётом уже почти полностью сложившейся архитектуры рынков может быть достигнуто только при условии сочетания опережающей регуляторной стратегии, включая её ценностные импликации, но в не меньшей степени технологического, компетенционного и институционального развития. Кроме того, за пределами общеевропейского рынка, остающегося, по большому счёту, уникальным явлением в мировой экономике, достижение необходимого рыночного масштаба представляется крайне непростой задачей и требует нестандартного подхода, возможно, лежащего за пределами традиционной интеграционной практики. Тем более, что, как уже отмечалось, для стран, не являющихся частью более крупных рынков и режимов, балансирование между тремя суперюрисдикциями (США, ЕС, Китай) обещает быть непростой задачей.

Об авторе:

Иван Владимирович Данилин – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454; заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: danilin.iv @imemo.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.000)

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 10, 2019
Accepted: December 12, 2019

The Impact of Digital Technologies on Leadership in Global Processes: from Platforms to Markets?

I.V. Danilin
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116

Moscow State Institute of International Relations (University)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: Discussions on the impact of digital technologies on national and global processes are rising. Among important issues is the role of large Internet platforms (Facebook, Google, Alibaba, etc.) - key players of the digital markets and in the digital innovations – in producing global leadership / dominance. The article argues, that on the economy side existing USA-China duopoly on the platform markets creates asymmetric advantages for both nations resulting (in future) in unprecedented influence on global processes (up to “digital colonialism”). It is doubtful that potential competitors from third nations may ever destroy this duopoly. Also, the information functions of the platforms are reviewed as resource for global leadership. Noting the evolution of assessments (from techno-optimistic views of platforms as engines of democracy to alarmist views of their role as a “backdoor” for the opponents and adversaries) we accent platform’s growing information impact on the global processes (digital diplomacy, etc.). However, here the USA-PRC duopoly is also actual. Dilemma of alternative solutions to boost the influence of third nations in the new digital, platform economy still may be resolved. Since data is the key resource for the digital markets and platforms, formation of data regulatory regimes appears to be an asymmetric solution. The experience of the EU with its GDPR and other efforts to form new data/digital regimes may serve as a model. Exploiting its` large data market as a competitive factor, the EU may neutralize part of the advantages of stronger actors and orient global platforms towards a more acceptable strategy. However, regulatory practices should be complemented by the development of digital technologies, as well as regional- or national-level platforms. A serious challenge also lies in achieving needed market scale (in order to influence global platforms) and – in the future – in competition of jurisdictions.

Key words: Internet platforms, digital technologies, global processes, influence and dominance.

About the author:

Ivan V. Danilin – Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Laboratory of Applied Analysis of International Problems, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. Head of Department of Science and Innovation, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Acknowledgements:

Research is accomplished with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (contract #14.461.31.000)

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Awan I. 2017. Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media. *Society*. Vol. 54. P. 138–149. DOI: 10.1007/s12115-017-0114-0.
- Casares A.P. 2018. The Brain of the Future and the Viability of Democratic Governance: The Role of Artificial Intelligence, Cognitive Machines, and Viable Systems. *Futures*. Vol. 103. P. 5–16. DOI: 10.1016/j.futures.2018.05.002.
- Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. 2018. Artificial Intelligence and the ‘Good Society’: The US, EU, and UK Approach. *Science and Engineering Ethics*. 24(2). P. 505–528. DOI: 10.1007/s11948-017-9901-7.

- Cohen J. E. 2018. The Biopolitical Public Domain: the Legal Construction of the Surveillance Economy. *Philosophy & Technology*. Vol. 31. P. 213–233. DOI: 10.1007/s13347-017-0258-2.
- Couldry N., Mejias U. 2018. Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject. *Television and New Media*. 20(4). P. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632.
- Digital Diplomacy: Theory and Practice*. 2015. Ed. by Bjola C., Holmes M. New York: Routledge. 252 p.
- Digital Dominance*. 2018. Ed. by Moore M. and Tambini D. New York: Oxford University Press. 420 p.
- Dodd M.D., Collins S.J. 2017. Public Relations Message Strategies and Public Diplomacy 2.0: An Empirical Analysis Using Central-Eastern European and Western Embassy Twitter Accounts. *Public Relations Review*. 43(2). P. 417–425. DOI: 10.1016/j.pubrev.2017.02.004.
- Dorney M.S. 1990. Moore V. The Regents of the University of California: Balancing the Need for Biotechnology Innovation against the Right of Informed Consent. *High Technology Law Journal*. 5(2). P. 333–369. URL: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1087&context=btlj> (accessed 22.12.2019).
- Dwivedi Y.K., Hughes L., Ismagilova L. et al. 2019. Artificial Intelligence (AI): Multi-disciplinary Perspectives on Emerging Challenges, Opportunities, and Agenda for Research, Practice and Policy. *International Journal of Information Management*. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002.
- Hallams E. 2010. Digital Diplomacy: The Internet, the Battle for Ideas & US Foreign Policy. *CEU Political Science Journal*. 5(4). P. 538–574.
- Hossain S. 2015. Social Media and Terrorism: Threats and Challenges to the Modern Era. *South Asian Survey*. 22(2). P. 136–155. DOI: 10.1177/0971523117753280.
- Jiang M., Fu K.-W. 2018. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? *Policy & Internet*. 10(4). P. 372–392. DOI: 10.1002/poi3.187
- Jin D.Y. 2015. *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*. New York: Routledge. 194 p.
- Jin D.Y. 2017. Digital Platform as a Double-Edged Sword: How to Interpret Cultural Flows in the Platform Era. *International Journal of Communication*. Vol. 11. P. 3880–3898.
- Kaplan A., Haenlein M. 2019. Rulers of the world, Unite! The Challenges and Opportunities of Artificial Intelligence. *Business Horizons*. 14 p. DOI: 10.1016/j.bushor.2019.09.003.
- Kelsey J. 2017. The Risks for ASEAN of New Mega-Agreements that Promote the Wrong Model of e-Commerce. *Developing the Digital Economy in ASEAN*. Ed. by By Chen L., Kimura F. London, Routledge. DOI: 10.4324/9780429504853-4. P. 56–90.
- Kwet M. 2019. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race and Class*. 60(4). P. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Levy F. 2018. Computers and Populism: Artificial Intelligence, Jobs, and Politics in the near Term. *Oxford Review of Economic Policy*. 34(3). P. 393–417. DOI: 10.1093/oxrep/gry004.
- Montes G.A., Goertzel B. 2019. Distributed, Decentralized, and Democratized Artificial Intelligence. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 141. P. 354–358. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.11.010.
- Morozov E. 2012. *The Net Delusion: How Not to Liberate the World*. New York: Public Affairs. 448 p.
- Morozov E. 2013. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York: Public Affairs. 432 p.
- Raikov A. 2018. Accelerating Technology for Self-Organising Networked Democracy. *Futures*. Vol. 103. P. 17–26. DOI: 10.1016/j.futures.2018.03.015.

Ross A. 2011. Digital Diplomacy and US Foreign Policy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 6(3-4). P. 451-455. DOI: 10.1163/187119111X590556.

Rysman M. 2009. The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*. 23(3). P. 125-143. DOI: 10.1257/jep.23.3.125.

Sadowski J. 2019. When Data is Capital: Datafication, Accumulation, and Extraction. *Big Data & Society*. 6(1). P. 1-12. DOI: 10.1177/2053951718820549.

Sætra H.S. 2019. Freedom under the Gaze of Big Brother: Preparing the Grounds for a Liberal Defense of Privacy in the Era of Big Data. *Technology in Society*. 58(7). P. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101160.

Savaget P., Chiarini T., Evans S. 2018. Empowering Political Participation through Artificial Intelligence. *Science and Public Policy*. 46(3). P. 369-380. DOI: 10.1093/scipol/scy064.

Thatcher J., O'Sullivan D., Mahmoudi D. 2016. Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data. *Environment and Planning D: Society and Space*. 34(6). P. 990-1006. DOI: 10.1177/0263775816633195

Van Dijck J. 2013. *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. New York: Oxford University Press. 240 p.

Zeng J., Khan Z., De Silva M. 2019. The Emergence of multi-Sided Platform MNEs: Internalization Theory and Networks. *International Business Review*. 28(6). DOI: 10.1016/j.ibusrev.2019.101598.

Danilin I. 2018. Rol' BAT v razvitii kitajskih internet-rynkov i perspektivnye vyzovy cifrovoy jekonomiki KNR [BAT's Role in The Development of Chinese Internet Markets and The Future Challenges for The PRC Digital Economy]. *International Trends*. P. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6. (In Russian)

Kissinger H. 2015. *Mirovoj porjadok* [World Order]. Moscow: AST. 512 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Данилин И.В. Роль БАТ в развитии китайских интернет-рынков и перспективные вызовы цифровой экономики КНР. *Международные процессы*. Том 16. 4(55). С. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6.

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. Москва: АСТ. 512 с.